

П.А. Плетнев

О жизни и сочинениях В.А. Жуковского

XXXII

Постоянно памятуя и исполняя все соблюдаемое православными христианами, Жуковский еще в феврале 1862 года пригласил из Штутгарта священника нашего Иоанна Базарова, чтобы он прибыл в Баден-Баден на шестой неделе Великого поста для приобщения его с детьми святых Тайн. Болезненное состояние глаза не позволяло ему самому оставить место жительства его. Перед наступлением означенного срока он уведомил своего духовного отца, что некоторые обстоятельства вынуждают его переменить распоряжение и отложить исполнение христианского долга до Фоминой недели. Об этой внезапной перемене первого распоряжения прекрасно выразился отец Иоанн:

«Добрый старец не знал того, что это второе распоряжение было свыше от премудрой воли Божией, предназначавшей ему вкусить эту последнюю радость земной веры христианина за два дня перед переходом его в вечную жизнь, где он должен был *истее причаститься в невечернем дни Царствия Христова*».

Развитие и ход болезни Жуковского, по рассказу очевидца, следовали таким образом: 1 апреля (ст. ст.) 1862 года, во вторник на Святой неделе вечером, он занемог и лег в постель ранее обыкновенного, а именно в 9 часов. В среду он только к вечеру оставил постель. Как обыкновенно, все его домашние собрались в его кабинет и провели вместе несколько часов. Жуковский принимал живое участие в разговорах и сам многое рассказывал про старинное свое житье-бытье. В четверг то же. В пятницу болезнь усилилась и обнаружилась яснее. Доктора назвали ее подагрической лихорадкой (*ein Gichtfieber*). Подагра, от которой у Жуковского в последнее время так жестоко страдали глаза, бросилась вовнутрь. В пятницу и субботу он не покидал постели и был чрезвычайно беспокоен. Казалось, он страдал более нравственно, нежели телесно. В воскресенье больной вышел на полчаса — это было в последний раз! Лихорадка усилилась; ночи были мучительны; сон совершенно пропал. Силы явно исчезали, тем более что больной почти без умолку разговаривал с теми, которые окружали его постель: предметом же его разговоров были жена и дети.

Отец духовный прибыл в понедельник на Фоминой неделе, 7 апреля (ст. ст.), и нашел Жуковского в постели больным. Его предупредили, что больной еще желает отложить исполнение христианского долга, чтобы совершить его с детьми в праздник апостолов Петра и Павла, в день именин сына своего. В 11-м часу утра, во вторник, отец Иоанн вошел в спальню Жуковского, который, жалуясь на расстройство мыслей, объявил о необходимости отсрочки св. Причастия. Но когда духовник изъяснил ему различие в обстоятельствах человека здорового, приходящего к Иисусу Христу для принятия св. Причастия, и человека больного, к которому Господь приходит Сам и требует только отворить Ему двери сердца, тогда, в слезах, произнес Жуковский: «Так приведите мне Его, этого святого Гостя». На следующий день, в среду, после исповеди и причащения с детьми, больной, видимо, сделался покойнее и, подзвав ближе к себе дочь и сына, сквозь слезы сказал им с умилением: «Дети мои, дети! Вот Бог был с нами! Он Сам пришел к нам. Он в нас теперь. Радуйтесь, мои милые!» И в четверг было ему легче прежнего. В этот день три раза, перед отъездом отца духовного, он разговаривал с ним. Каждое его слово выражало глубокое сознание того, что с ним происходит.

«Вчера и сегодня (сказал он при первом прощании) мне легко на душе. Это блаженство — принять в себя Бога, сделаться членом Богосемейства... Мысль радостная, блаженная. Но не станем ею восхищаться. Это не игрушка! Она должна оставаться, как сокровище, в нас. Вы на пути (проговорил больной при втором

прощании): какое счастье идти куда захочешь, ехать куда надо! Не умеешь ценить этого счастья, когда оно есть; понимаешь его только тогда, когда нет его».

В третий раз при прощании он пожал руку и сказал:

«Прощайте... Бог знает, увидимся ли еще. Ах, как часто и я отходил так от одра друзей моих, и уже больше их не видал...»

В пятницу утром, чувствуя, что силы покидают его, он с нежностью, но и с большим усилием благословил жену и детей своих. Вечером, смотря на дочь свою, он еще мог произнести:

«Ковчег готов — и вот летят мои два голубя: то вера и терпение».

В ночь на субботу, в час и тридцать семь минут, неровное и тяжелое дыхание больного внезапно прекратилось: чистая душа его отлетела в одну из тех обителей, которых в доме Отца нашего на небесах уготовано много.

Погребение усопшего происходило в понедельник, 14 апреля, в шесть часов пополудни. Кроме русского священника, за гробом шел римско-католический декан города Бадена, желая всенародно выразить то чувство уважения, которое вселил в сердца чужеземцев наш бессмертный поэт добродетельною своею жизнью. Тело его поставлено было в склепе на загородном баденском кладбище. По желанию вдовы Жуковского, которой более всех известно, как пламенно любил свое отечество певец 12-го года, его тело перевезено было в Петербург. Здесь, в Александро-Невской лавре, в присутствии наследника и великой княгини Марии Николаевны, при многолюдном стечении почитателей и друзей поэта, 29 июля отпета была над ним панихида. Слезы августейших особ, оплакивавших утрату наставника их и друга, смешались со слезами поклонников незабвенного поэта на его гробе, который наравне с друзьями его нес и царственный первенец из церкви до самой могилы, где Жуковский покоится ныне подле Карамзина.